

Короленко В.

20/1-89
132

ТРЕВОГИ ПИСАТЕЛЯ-ГУМАНИСТА

Владимир Короленко. «Письма к Луначарскому». «Новый мир», № 10. 1988.

1922 ГОД. В. И. Ленин из-за болезни живет в Горках. Когда в состоянии его здоровья наступает некоторое улучшение, он вновь погружается в чтение книг и газет. В приложении к «Правде» от 24 сентября 1922 года в разделе «Тов. Ленин на отдыхе» рассказывалось, чем Владимир Ильич интересовался в эти дни. По свидетельству А. В. Каменева, посетившего его в Горках, внимание Ленина привлекали выпущенные тогда отдельной книгой в Париже письма В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому.

Что же это за письма и почему они заинтересовали Ленина в дни, когда он думал над важнейшими вопросами современности, углублял и уточнял свои выводы о необходимости серьезных перемен в политике партии и Советского государства, формулировал уроки для нового этапа в жизни страны?..

В. Г. Короленко занимал одно из ведущих мест в предреволюционной литературе. Как писатель-демократ и гуманист, как общественный деятель высокого благородства, он пользовался в прогрессивных кругах всеобщим уважением. После смерти А. Толстого он стал для многих олицетворением совести русской литературы. В 1913 году большевистская газета «Рабочая правда» писала о Короленко: «Всякий шаг народа на пути к демократии всегда найдет в нем сочувствие и поддержку. Такие люди, как Короленко, редки и ценны».

С большим пиететом относился к Короленко и А. В. Луначарский. Свою раннюю статью «Чему учить В. Г. Короленко?» он закончил словами: «Высоко даровитый В. Г. Короленко всегда останется одним из наших вождей». В произведениях писателя «Сказания о Флоре...» критик находил не только страстную жажду гармонии в природе и обществе, не только мечту о «выпрямленной жизни» человечества, но и призыв к гражданской активности, к борьбе, прославление «попытки вперёд».

В 1917 году Короленко решительно выступил против клеветы буржуазной печати на большевистских деятелей. Тем более горькое чувство вызвал и у Луначарского, и у других большевиков тот факт, что выдающийся писатель не принял многого в Октябрьской революции и оказался «чуть ли не в такой же резкой оппозиции по отношению к пролетарскому

правительству, в какой был... по отношению к правительству царскому».

В первые же дни после Октябрьской революции писатель-гуманист и нарком просвещения скрестили шпаги на страницах печати. Короленко предъявлял новой власти обвинения прежде всего в том, что она подавляет свободу мысли, слова и воли. Луначарский упрекал Короленко в прекрасодушии и непонимании реальной политики. Но споря со своим оппонентом, он не рассматривал его как представителя враждебного лагеря. Вести уважительный диалог с писателем, как и с некоторыми другими видными деятелями культуры, отстаивающими иные пути и другие формы борьбы за социализм, считал необходимым и Ленин.

До него доходили сведения, что Короленко со всей прямотой продолжает осуждать ряд действий Советской власти. Короленко жил тогда в Полтаве, и Ленин поручил Луначарскому, выезжавшему в 1920 году в прифронтовые местности, посетить старого писателя и обстоятельно поговорить с ним. 7 июня эта встреча состоялась. Спор, завязавшийся между коллегами по перу (Короленко рассматривал Луначарского не только как наркома, но и как литератора), решено было продолжить путем переписки. Предполагалось, что переписка эта будет опубликована.

Короленко действительно выполнял свое обещание и в течение трех месяцев (с середины июня до второй половины сентября 1920 года) послал Луначарскому шесть писем. Но нарком не ответил Короленко, и задуманная переписка не осуществилась. Сам Луначарский объяснял это тем, что до него дошла только часть писем Короленко (три из шести) и что, несмотря на предпринятые попытки, он так и не получил остальных. Возможно, однако, что здесь сыграла роль и другая причина.

Луначарский, очевидно, советовался с товарищами по ЦК партии, удобно ли в тех условиях печатать полученные письма

(известно, что по крайней мере первые два письма Короленко он послал Ленину). Можно полагать, что то суровое время было расценено как неподходящее для пространственных публичных диспутов с оппонентами пролетарской диктатуры.

Таким образом, шесть писем Короленко Луначарскому были опубликованы лишь в 1922 году, то есть после смерти писателя, сначала в эмигрантском журнале «Современные записки», а затем в парижском издательстве «Задруга».

Однако, если предполагалась переписка не состоялась, то нельзя сказать, что письма Короленко были оставлены без внимания.

Полемику с Короленко (в очень уважительном тоне) продолжил вскоре Луначарский в своих и публицистических, и художественных произведениях, в частности в пьесе «Освобожденный Дон Кихот».

Но еще важнее, что критические высказывания Короленко в той мере, в какой они доходили до Ленина, влияли в поток тех впечатлений, сообщений, фактов, которые приводили Ленина к выводу о необходимости решительного поворота в деятельности партии и Советского государства.

Смело затрагивая в своих письмах «болящие вопросы современности», Короленко писал о разрушении естественной связи между городом и деревней, об экономическом бедствии, в котором оказалась страна. Начиная с X съезда РКП(б) Ленин, как известно, неоднократно и со всей категоричностью говорил об ошибках, допущенных в годы военного коммунизма в хозяйственной и политической области, о необходимости перехода к новой экономической политике. «...Мы достаточно трезвые политики, — утверждал Ленин, — чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать». Собственно, в этом призыве к пересмотру политики Советского государства, к отказу от прямолинейно-максималистских методов и за-

ключался главный общественный смысл писем Короленко.

Писатель с вниманием следил за ленинскими высказываниями, за поворотом к новой экономической политике, за благоприятными переменами в общественной жизни страны. 6 мая 1921 года он сообщил своему другу, бывшему народоправцу Н. С. Тютчеву: «В прошлом году я написал 6 писем А. В. Луначарскому. Теперь в заявлениях Ленина вижу многое, что я тогда писал. Не приписываю это себе, но поворот несомненный».

Сам Короленко был достаточно скромным в оценке своих писем. Он признавался своему товарищу по журналу «Русское богатство» А. Г. Горнфельду: «Я о них не особенно высокого мнения. Я плохой экономист, и некоторые места писем имеют бытовой публицистический характер...».

Однако можно утверждать, что письма Короленко представляют собой очень существенный документ, помогающий нам отчетливее представить картину идейных споров революционных лет.

Откровенно высказывая свои «взгляды о важнейших мотивах общественной жизни», Короленко затрагивал целый ряд тем.

Он критиковал максималистские лозунги, требующие немедленного осуществления социализма. Он протестовал против беззаконий, против бессудных расстрелов в административном порядке, против жестокости, бросающей «омрачающую и заглушающую тень» на самое социалистическое движение. Он говорил о недопустимости соединения следственной власти и власти, постановляющей приговор, да еще к смертной казни. Он требовал бережного отношения к человеческой жизни, подчеркивал, что «не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа». Он напоминал, что свобода мысли, слова, собраний и печати это не простые буржуазные предрассудки, а необходимое орудие движения к будущему.

Думается, что сегодня, когда мы переживаем перестройку, пересмотр нашей политики на основах гуманности, демократии и законности, когда мы рассматриваем социализм как строй подлинного человеческого гуманизма, нам полезно ознакомиться с суждениями замечательного писателя-гуманиста, извлечь из них многое, что необходимо и актуально для нас.

Ник. ТРИФОНОВ,
доктор филологических наук

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

РАДУЯСЬ сегодня нарастающему потоку публикуемых произведений и писательских имен, мы иногда забываем, что все это было нам неизвестно лишь до поры до времени и давно существовало в литературе. «Белые пятна» и здесь не равны пустотам. Каждый честный писатель и в самые трудные времена мыслит и находит формы для выражения своих мыслей. Другое дело, что ранее делать ему так было «не положено». Вот парадокс: будучи «человеком общественным», писатель не мог высказывать свои мысли прямо и полно, дробил их на проблемки и рассуждал по повестям и рассказам. То есть шел на компромиссы и полумеры.

В новых условиях меняются наши давно отлаженные представления о писателях. Раньше о них мыслили в рамках окостеневших амплуа, называли имя и сразу говорили положенный набор слов в маске, загораживающей от нас живое лицо. Вот и теперь читатель, открыв журнал «Урал» и найдя там роман известного нашего прозаика Николая Воронова «Похитители солнца», может спросить в недоумении: «Неужели это написал автор «Юности в Железнодольске»?». Читатель, увы, сразу, словно стукнув по клавишам компьютера, вызывает в памяти наработанное критикой писательское амплуа и даже не догадывается, что не знает пока ни полного текста много-страдального романа «Юность в Железнодольске», ни его автора, все эти десятилетия думавшего и писавшего свое. Из-за маски появляется лицо незнакомое и уже этим интересное. И мы видим, что «новый роман» не так уж нов, он просто долго ждал своего времени.

Сейчас, когда мы познакомились наконец с такими шедеврами мировой фантастики-антиутопии, как романы Е. Замятина, А. Платонова, Оруэлла, легко понять, что роман Н. Воронова «Похитители солнца» принадлежит к этому трудному и небезопасному жанру. Ясно и то, что автор не подражает своим именитым предшественникам. Мысль сама выбрала такую форму, избрав крайностей чистой научной фантастики с ее бродячими схемами и так называемого «политического» романа с его декларативностью и официальными банальностями, то есть худших утопий из всех нам известных. В книге «Похитители солнца» явственно прочиты-

вается желание автора уйти от наигранной серьезности, этот замечательный роман написан веселым и лукавым выдумщиком. И в то же время в нем есть всеосмысленность, многолетние и часто грустные размышления о мире и человеке. Поэтому роман можно назвать и философским.

Н. Воронов в своей фантастической прозе следует известному совету Достоевского. Он допускает возможность фантастического мира рядом с нами, точнее, у нас под ногами, в глубинах земли. Но, сделав такое допущение и придумав свой мир, далее верен реальности. Ибо подземный мир, куда попадают «верхнеземцы» из нашей действительности, зеркально эту действительность отражает. Вот только зеркало фантастической антиутопии — кривое: намеренно увеличивает одни черты и меняет другие, отбирая и показывая с неожиданной точки зрения всем нам знакомые проблемы и характеры. Таковы законы жанра.

Мир подземелья, где автор романа поселил так и не слившиеся в единый народ племена хаватунгов и кульменов, подчеркнута беден, ему не хватает духовной и материальной энергии, непрерывного оборота идей и средств, света во всех смыслах этого слова. Это мир без солнца, где человек слеп и унижен. Отсюда и «равенственная» диктатура хаватунгов, людей холодного, бесчеловечного разума, людей энергичных, ловко пользующихся двойной моралью — для себя и для чистых душ кульменов и навязывающих этому угнетенному племени лишенные этики идеологию. Хаватунги — природные демагоги и апостолы насилия, прячущиеся за словесными масками и умело расставляющие ловушки для простаков. Поэтому им принадлежит все, кроме красоты и энергии духа. Кульмены же сохранили единственное богатство — живую душу, ничего своего у них нет — ни земли, ни воды, ни заводов, ни техники, даже их древнюю культуру топчут и вычеркивают из народной памяти. То есть автор парадоксально и в то же время оправданно разделяет современного человека

на торжествующий разум и поправную душу, указывая на один из реальных итогов развития земной цивилизации.

«Похитители солнца» — роман-фантазия. И фантазия у Н. Воронова весьма богата. Но роман есть роман, и выдумка автора — не ради себя самой, она целеустремлена. Писатель создает сцену, где люди и проблемы сталкиваются и выявляются. Подземный мир, его жители и история постепенно выстраиваются в традиционный для нашей литературы «роман воспитания». Ибо земные люди, проходя через все круги подземелья, и видя знакомую ложь и жестокость, убеждаются в несовершенстве собственного бытия, в своей неидеальности. Хаватунги и кульмены видят насковозь сантехника Гордея Шкурляндия и «консультанта» без определенных занятий Всеволода Де-Класса и их мир. Ведь популающий у них солнечную энергию царь недр Зеэий Щедрий, тиран-философ и артистический демагог, вполне справедливо упрекают землян в постоянном отравлении подземного царства, в заражении воздуха, воды, почвы, человеческого организма, в сотрясении основ планеты ядерными испытаниями. Люди сегодняшней Земли получают возможность взглянуть на себя со стороны и многое понять. Им к тому же приходится не только думать, но и совершать поступки, ибо роман — приключенческий, с остроумно «закрученными» фантастическими сюжетами.

Веселость романа проявляется не только в насмешках над забавными уродцами подземелья. Ведь к ним спустились не светлые ангелы. Автор умело использует жаргон типа фразы: «Умыл меня с песочком», ибо в мрачное царство хаватунгов «сверху» пришли траченные жизнью люмпен-пролетарии из длинной винной очереди с соответствующей некультурой нахвтанной мысли и корявого слова. Этим забутенным головешкам предстоит прозреть, задуматься и встревожиться. Отсюда пародийность романа, к фантастике присоединяющего неизбежную сатиру.

Выясняется со временем, что там, под землей, все то же, что и у нас, однако зеркально перевернуто, поставлено с ног на голову и искажено. Но узнаваемо. И писатель постоянно восстанавливает обор-

ванные связи, показывая реальную диалектику жизни и неразрывность самых разных миров, социальных и экологических организмов, народов и людей. Извечную тему ответственности за каждую свою мысль и поступок автор сумел показать с неожиданной точки зрения, заставив нас взглянуть не вверх, в привычный фантастам космос, а в недра земли, где зарождается жизнь. И здесь Н. Воронов очень далеко уходит от простодушных антиутопий прошлого вроде «Аэлиты» А. Н. Толстого и приближается к современной «антифантастике» с ее зрячей грустью, социальной сатирой и склонностью к насмешке и пародии.

Вряд ли стоит вылавливать в романе Н. Воронова «Похитители солнца» исторические аллюзии и ассоциации. Здесь мы будем постоянно наталкиваться на условность авторского вымысла, да и все сравнения, как известно, хромают, неточны. Важно выяснить другое: зачем этот роман написан? Ради выдумки или намеков? Вряд ли. В книге видна многолетняя работа мысли писателя, размышляющего над саморазвитием мироздания и человека и обращающегося при этом к истории, философии, народному преданию, самого разного рода идеям и сведениям, добытым из книг, разговоров, поездок и т. д. Отсюда пестрота образов и языка романа «Похитители солнца». Но есть и единая основа, необходимая для этого жанра.

Сложное здание романа Н. Воронова имеет свою «сверхзадачу». Оно строится так, чтобы силою авторской фантазии соединить все эти очень разные мысли в мировоззрение. Целый мир идей являет-ся нам из глубины подземного царства похитителей солнца. Ибо настоящий писатель всегда имеет собственную философию жизни, но ему не всегда удается ее высказать. Но удача в конце концов приходит. Для Н. Воронова «Похитители солнца» стал счастливой возможностью на протяжении десятилетий размышлять о мире и человеке. Теперь с его уединенными мыслями могут ознакомиться читатели. Прочитав эти долго шедшие к нам книги, мы лучше поймем писателя Николая Воронова и его главный роман «Юность в Железнодольске», а с их помощью — и непростое движение литературы наших дней.

СВЕТ ИЗ ГЛУБИНЫ

Николай Воронов. «Похитители солнца». Роман. «Урал», № 7—9. 1988.

Всеволод САХАРОВ